

*Европейский Суд по правам человека,
Первая секция*

Дело «Насруллоев против России» (№ 656/06) - решение по существу

Страсбург, 11 октября 2007 г.

Неофициальный перевод

Данное решение станет окончательным после возможной редакторской правки в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции.

В деле Насруллоева против России

Европейский Суд по правам человека (первая секция), в ходе заседания палаты в составе:

Х.Л. Родзакиса, *Председателя*,
Л. Лукаидеса ,
Н. Вайич ,
А. Ковлера,
Э. Штайнер,
Х. Гаджиева ,
Д. Шпильмана , *судей*,
и г-на А. Вампаха, *заместителя секретаря секции*,

рассмотрев дело в ходе закрытого заседания 20 сентября 2007 года,

вынес следующее постановление, которое было принято в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1 . Дело было инициировано жалобой (№ 656/06) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином Таджикистана, господином Хабибулло Насруллоевым («заявитель»), 6 декабря 2005 года.

2 . Заявитель был освобожден от оплаты юридической помощи, и его интересы в суде представляли г-жа А. Ставицкая и г-жа К. Москаленко, адвокаты, практикующие в Москве. Российское правительство («Правительство») было сначала представлено г-ном П. Лаптевым, бывшим уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а затем новым уполномоченным, г-жой В. Милинчук.

3 . 23 ноября 2006 года Суд уведомил Правительство о жалобе. В соответствии с положениями статьи 29 § 3 Конвенции, Суд решил одновременно рассмотреть жалобу

по существу и на предмет приемлемости. По просьбе заявителя, Суд рассмотрел жалобу в приоритетном порядке (Правило 41 Регламента Суда).

4 . Правительство опротестовало одновременное рассмотрение жалобы на предмет приемлемости и по существу. Рассмотрев протест Правительства, Суд отклонил его.

ФАКТЫ

I . ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5 . Заявитель родился в 1954 году. Он проживает в Московской области.

A . Исторический контекст

6 . Заявитель являлся председателем Таджикского потребительского союза (“Таджикпотребсоюз”).

7 . В мае 1992 года таджикская оппозиция, представляющая собой коалицию исламских групп и фундаменталистов, захватила власть, свергнув Верховный Совет, что привело к гражданской войне. В ноябре 1992 года Верховный Совет избрал г-на Рахмонова своим председателем и главой государства. Г-на Рахмонова поддержали вооруженные силы Народного фронта. Заявитель являлся лидером Народного фронта в Хиссарском районе Таджикистана.

8 . В 1994 года г-н Рахмонов победил на президентских выборах. Заявитель поддерживал кандидата оппозиции, г-на Абдулажанова.

9 . 27 июня 1997 года г-н Рахмонов подписал договор “О мире и согласии” с представителями Объединенной таджикской оппозиции. 1 августа 1997 года Маджлиси Оли (Парламент) Таджикистана принял закон об амнистии, который предусматривал прекращение уголовного преследования в отношении участников политического и военного конфликта после 1992 года. Производство по еще не рассмотренным делам должно было быть прекращено, и запрещалось открытие новых дел.

10 . 3 ноября 1998 года вооруженные силы под командованием г-на Худойбердыева и г-на Абдулажанова начали наступление в Ленинабадской области. Правительство организовало контрнаступление, к которому присоединились силы Объединенной таджикской оппозиции. После ожесточенных боев, 10 ноября 1998 года правительство восстановило свой контроль над областью. Заявитель утверждает, что не принимал участия в наступлении; он был болен и не покидал Ташкента.

11 . В неустановленный день младшего сына заявителя осудили за участие в наступлении, приговорив к 17 годам лишения свободы. Был выпущен и ордер на обыск заявителя, бежавшего вместе с семьей в Российскую Федерацию.

B . Задержание заявителя и его содержание под стражей с целью выдачи

12 . 30 июня 2003 года следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры Таджикистана предъявил заявителю обвинение в преступлениях, совершенных между

ноябрем 1992 года и февралем 1997 года. Вменяемые заявителю деяния включали похищение, убийство, участие в антиправительственной организации, участие в вооруженной группе с целью подрыва государственных институтов, подрывную деятельность, государственную измену и участие в заговоре с целью захвата государственной власти.

13 . Отдельным решением от той же даты следователь постановил заключить заявителя под стражу и внести его в список лиц, скрывающихся от правосудия. Решение было одобрено исполняющим обязанности Генерального прокурора Таджикистана.

14 . 13 августа 2003 года заявителя задержали в г. Москве. В тот же день Генеральная прокуратура Таджикистана направила российской стороне требование о выдаче заявителя, которое было получено 18 августа 2003 года.

15 . 21 августа 2003 года Нагатинский районный суд вынес решение о заключении заявителя под стражу в порядке статей 97, 99 и 108 Уголовно-процессуального кодекса, постановив следующее:

«Суд, выслушав участников процесса, находит ходатайство обоснованным и подлежащим удовлетворению, поскольку прокурором соблюдены нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие порядок избрания меры пресечения, в представленных материалах достаточно оснований, подтверждающих невозможность применить к обвиняемому меру пресечения, не связанную с лишением свободы. Насруллоев обвиняется в совершении преступлений, относящихся к тяжким и особо тяжким за которые предусмотрено наказание свыше двух лет лишения свободы и находится в международном розыске. Кроме того суд полагает возможным то, что Насруллоев Х., являясь гражданином иностранного государства и не имея постоянного места жительства на территории РФ может скрыться от органов следствия и прокуратуры либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу».

Районный суд не указал сроков содержания под стражей.

16 . 28 октября 2003 года заявитель и его адвокат обратились к Генеральному прокурору с просьбой отказать в выдаче заявителя. Заявитель указал, что в Таджикистане его преследуют по политическим мотивам, что ему грозит смертная казнь, если его признают виновным, и что в Таджикистане не существует гарантий справедливого судебного разбирательства, а также гарантий защиты от бесчеловечного обращения. Он также указал, что ходатайствовал о представлении политического убежища в России.

17 . 6 февраля 2004 года адвокат заявителя обратилась к начальнику СИЗО с ходатайством об освобождении заявителя. В ее заявлении говорилось, что поскольку таджикский суд не принимал решения о заключении заявителя под стражу, к нему должны быть применены положения российского Уголовно-процессуального кодекса о досудебном содержании под стражей. Статья 109 устанавливает предельный срок содержания под стражей в 2 месяца. Поскольку срок содержания под стражей не был продлен по истечении 2 месяцев 21 октября 2003 года, дальнейшее содержание заявителя под стражей являлось незаконным. В подобных обстоятельствах начальник

СИЗО должен по закону освободить любого человека, содержание которого под стражей незаконно.

18 . 17 февраля 2004 года начальник СИЗО ответил адвокату, что заявитель все еще находится под стражей по постановлению районного суда от 21 августа 2003 года и что его освобождение возможно только в соответствии с новым постановлением суда или решением Генеральной прокуратуры отказать в выдаче.

19 . 26 февраля 2004 года адвокат обратилась к Генеральному прокурору с ходатайством об освобождении заявителя, утверждая, что его содержание под стражей является неправомерным по национальному законодательству и, в любом случае, Европейская Конвенция об экстрадиции ограничивает срок предварительного содержания под стражей сорока днями (Статья 16 § 4). Ответа получено не было.

20 . В декабре 2004 года таджикский адвокат заявителя обратился в Синский районный суд г Душанбе с требованием рассмотреть законность содержания заявителя под стражей, поскольку предельный срок содержания под стражей в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Таджикистана составляет 15 месяцев. 13 декабря 2004 года районный суд отказался рассматривать жалобу, заявив, что она должна быть рассмотрена судом по месту нахождения СИЗО.

21 . 20 декабря 2004 года адвокат заявителя направила жалобу в Генеральную прокуратуру, а также в Нагатинский и Бабушкинский районные суды г. Москвы, требуя освобождения заявителя на основании истечения предельного срока содержания под стражей заявителя по Уголовно-процессуальному кодексу Таджикистана.

22 . 31 декабря 2004 года Нагатинский районный суд вернул жалобу, указав, что дело не входит в его территориальную юрисдикцию. Суд также отметил, что мера пресечения была применена в соответствии с российским Уголовно-процессуальным кодексом, и что ссылки адвоката на Уголовно-процессуальный кодекс Таджикистана, следовательно, неуместны.

23 . 17 января 2005 года заместитель руководителя Отдела Генеральной прокуратуры по международному сотрудничеству указал адвокату подать ходатайство в «соответствующие органы» Таджикистана, с тем, чтобы мера пресечения была изменена.

24 . 18 января 2005 года адвокат с тем же требованием обратилась в Генеральную прокуратуру Таджикистана. Письмом от 15 февраля 2005 года руководитель отдела по расследованию тяжких и особо тяжких преступлений сообщил адвокату, что Уголовно-процессуальный кодекс Таджикистана неприменим, поскольку заявитель не находится в Таджикистане и решение о его содержании под стражей в Таджикистане не продлевалось. Следовательно, жалоба может быть рассмотрена только после выдачи заявителя.

25 . 13 февраля 2005 года истек предельный срок - 18 месяцев - содержания заявителя под стражей, установленный в статье 109 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

26 . 18 февраля 2005 года начальник СИЗО сообщил адвокату, что заявитель не является ни «подозреваемым», ни «обвиняемым», в то время как положение относительно обязанности освободить каждого, кто содержится под стражей незаконно, относится только к «подозреваемым» или «обвиняемым». Он также напомнил адвокату, что до сих пор не было вынесено судебного решения об освобождении, и что прокурор не отказал в выдаче.

27 . Адвокат безуспешно пыталась добиться пересмотра решения о содержании заявителя под стражей в Московском городском суде, а также в Бабушкинском и Тверском районных судах г. Москвы. Она ссылаясь на статью 110 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

28 . 21 апреля 2005 года Тверской районный суд отклонил жалобу адвоката относительно отказа Генеральной прокуратуры освободить заявителя, постановив следующее:

«Данная мера пресечения Насруллоеву Х. избиралась исключительно в целях оказания правовой помощи по уголовному делу, расследуемому на территории Р.Таджикистан. Порядок заключения под стражу лиц, подлежащих выдаче иностранному государству, регулируется главой 54 УПК РФ.

В то же время, главой 54 УПК РФ не определяется срок содержания под стражей лиц, выдача которых запрашивается... Не определены эти сроки и в нормах международного права, представленных суду. При изложенных обстоятельствах суд считает несостоятельными ссылки адвоката на статью 109 УПК и доводы о том, что срок содержания Насруллоева под стражей не продлевался.

На территории РФ следствие против Насруллоева не ведется, и в соответствии с УПК РФ он не является объектом уголовного преследования...

Суд также принимает во внимание тот факт, что решение о выдаче Насруллоева так и не было принято потому, что он подал ходатайство о предоставлении убежища в России и потом обжаловал отказ в предоставлении убежища».

29 . 9 июня 2005 года Московский городской суд оставил это решение без изменений, воспроизведя его слово в слово.

30 . Заявитель подал жалобу в Конституционный Суд, заявив, что положение о том, что срок содержания под стражей лица, в отношении которого поступило требование о выдаче, противоречит конституционным гарантиям, защищающим от произвольного содержания под стражей.

31 . 4 апреля 2006 года Конституционный Суд признал жалобу неприемлемой. Он указал, что между оспариваемыми положениями нет противоречия, поскольку действие общих норм, регулирующих меры пресечения, распространяется на все формы и стадии уголовного судопроизводства, включая производство по запросам о выдаче (см. подробнее об определении Конституционного Суда ниже, пункт 54).

32 . 6 апреля 2006 года адвокат заявителя подала жалобу на действия прокуратуры. Она утверждала, что законных оснований для содержания заявителя под стражей больше

предельного срока в восемнадцать месяцев нет, и что решение о содержании заявителя под стражей должно быть пересмотрено судом. Она утверждала, в частности, что нарушена статья 5 §§ 1 и 4 Конвенции.

33 . 23 июня 2006 года Тверской районный суд отклонил жалобу, постановив, что прокуратура не несет ответственности за содержание заявителя под стражей и что Уголовно-процессуальный кодекс не требует продления срока содержания под стражей до принятия решения о выдаче.

34 . 26 июня 2006 года адвокат обратилась в прокуратуру и к начальнику СИЗО с заявлением о том, что содержание заявителя под стражей является незаконным и что его должны немедленно освободить.

35 . 29 июня 2006 года Московский городской суд отклонил, в последней инстанции, ходатайство заявителя о предоставлении политического убежища в России.

36 . 1 июля 2006 года первый заместитель прокурора Бабушкинского района г. Москвы обратился в Бабушкинский районный суд с просьбой продлить срок содержания заявителя под стражей на том основании, что после того, как заявителю было отказано в предоставлении убежища, прокуратуре необходимо дополнительное время для рассмотрения требования о выдаче.

37 . В тот же день районный суд удовлетворил ходатайство прокуратуры в соответствии со статьями 109 и 466 § 1 Уголовно-процессуального кодекса. Районный суд отметил, что прокуратура предоставила доказательства того, что рассматривается требование о выдаче и что заявитель обвиняется в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, а также что заявитель не имеет постоянного места жительства в России и в случае освобождения может скрыться.

38 . 13 сентября 2006 года Московский городской суд оставил без изменений решение районного суда, постановив, что оно было законным и обоснованным. Суд не сослался на какое-либо законодательство, регулирующее содержание заявителя под стражей.

С . Решение о выдаче заявителя и применение предварительной судебной меры в соответствии с правилом 39 Регламента Суда.

39 . Письмом от 3 июля 2006 года заместитель Генерального прокурора уведомил заявителя о том, что было принято решение о его выдаче в Таджикистан. Копия решения приложена не была.

40 . Адвокат обжаловала решение в Московский городской суд и подала ходатайство в Европейский Суд о принятии предварительных судебных мер в соответствии с правилом 39 Регламента Суда.

41 . 12 июля 2006 года Суд уведомил Правительство государства-ответчика, что выдача заявителя в Таджикистан не может производиться до дальнейшего решения Суда.

42 . Письмом от 19 июля 2006 года Правительство подтвердило получение решения Суда и сообщило, что компетентные государственные органы были проинформированы.

43 . 21 августа 2006 года Московский городской суд отменил решение прокуратуры о выдаче заявителя. Суд отметил, что правительство Таджикистана изначально не предоставило необходимых по российскому законодательству гарантий того, что заявителя будут судить только по обвинениям, в связи с которыми была запрошена выдача, что он сможет покинуть страну после отбывания наказания и что его не депортируют, перевезут или выдадут в третье государство без согласия Российской Федерации.

44 . Городской суд также отметил, что, удовлетворяя требование о выдаче, заместитель Генерального прокурора проигнорировал возможность преследования заявителя по политическим мотивам, в то время как Конвенция об экстрадиции запрещает экстрадицию в таких ситуациях. Поскольку запрос об экстрадиции был направлен в связи с преступлениями, якобы совершенными между 1992 и 1997, городской суд решил, что уголовное преследование заявителя было инициировано в нарушение Закона об амнистии от 1 августа 1997 года (см. пункт 9 выше) и, следовательно, было политически мотивированным. Кроме того, заявитель подпадал под действие амнистии в соответствии с Законом о всеобщей амнистии от 2001 года.

45 . Городской суд вынес решение об освобождении заявителя, постановив, что предельный срок содержания под стражей, указанный в статьях 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса, истек и что его содержание под стражей сверх этого срока было незаконным в свете определения Конституционного Суда от 4 апреля 2006 года.

46 . 25 августа 2006 года прокуратура обжаловала это решение. Прокуратура, в частности, утверждала, что якобы политические мотивы уголовного преследования заявителя были изучены «в ходе секретной переписки» между Генеральной прокуратурой, ФСБ и МВД, чего Мосгорсуд не учел. Прокуратура также утверждала, что срок содержания заявителя под стражей не истек, поскольку решение районного суда от 1 июля 2006 года не было отменено.

47 . 2 октября 2006 года Верховный Суд РФ отклонил жалобу прокуратуры и отказал в выдаче заявителя в Таджикистан.

II . Национальное и международное законодательство

A . Конституция РФ

48 . Конституция РФ гарантирует право на свободу (статья 22):

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

2. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов».

B . Минская Конвенция 1993 года

49 . Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (подписанная в Минске 22 января 1993 года, в редакции от 28 марта 1997 года, “Минская Конвенция 1993 года”), в которой участвуют и Российская Федерация, и Таджикистан, предусматривает следующее:

Статья 61. Взятие под стражу или задержание до получения требования о выдаче

«1. Лицо, выдача которого требуется, по ходатайству может быть взято под стражу и до получения требования о выдаче. В ходатайстве должны содержаться ссылка на постановление о взятии под стражу или на приговор, вступивший в законную силу, и указание на то, что требование о выдаче будет представлено дополнительно...»

Статья 62. Освобождение лица, задержанного или взятого под стражу

«1. Лицо, взятое под стражу согласно пункту 1 статьи 61, должно быть освобождено, если требование о его выдаче не поступит в течение 40 дней со дня взятия под стражу».

Статья 67. Передача выданного лица

«Запрашиваемая Договаривающаяся Сторона уведомляет запрашивающую Договаривающуюся Сторону о месте и времени выдачи. Если запрашивающая Договаривающаяся Сторона не примет лицо, подлежащее выдаче, в течение 15 дней после поставленной даты передачи, это лицо должно быть освобождено из-под стражи».

С . Европейская Конвенция о выдаче

50 . Европейская Конвенция о выдаче от 13 декабря 1957 года (CETS № 024), в которой участвует Российская Федерация, предусматривает следующее:

Статья 16 – Временное задержание

«1. В случае, не терпящем отлагательства, компетентные органы запрашивающей Стороны могут обратиться с просьбой о временном задержании разыскиваемого лица. Компетентные органы запрашиваемой Стороны принимают решение по данному вопросу в соответствии с ее законом.

...

4. Временное задержание может быть отменено, если в течение 18 дней после задержания запрашиваемая Сторона не получила просьбу о выдаче и документов, упомянутых в статье 12. В любом случае этот период не превышает 40 дней с момента такого задержания. Возможность временного освобождения в любое время не исключается, однако запрашиваемая Сторона принимает любые меры, которые она считает необходимыми, для предотвращения побега разыскиваемого лица».

D . Уголовно-процессуальный кодекс

51 . Глава 13 Уголовно-процессуального кодекса (“Меры пресечения”) регулирует применение мер пресечения, которые включают, в частности, заключение под стражу. Вынести решение о заключении под стражу может только суд в отношении лиц, которые подозреваются или обвиняются в преступлениях, наказание за которые составляет более двух лет лишения свободы (статья 108 “Заключение под стражу”). Срок содержания под стражей во время следствия составляет 2 месяца (статья 109, “Сроки содержания под стражей”). Судья может продлить срок содержания под стражей до 6 месяцев (статья 109 ч. 2). Решение о дальнейшем продлении срока может быть вынесено судьей, только если лицо обвиняется в совершении тяжких или особо тяжких преступлений (статья 109 ч. 3). Продление свыше 18 месяцев не допускается, и задержанный должен быть немедленно освобожден (статья 109 ч. 4). Постановление судьи о применении меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей может быть обжаловано в вышестоящем суде в течение трех дней с момента вынесения постановления (статьи 108 ч. 10 и 109 ч. 2). Мера пресечения в виде заключения под стражу может быть отменена или изменена, если она больше не считается необходимой (статья 110 “Отмена или изменение меры пресечения”).

52 . Глава 54 (“Выдача лиц для уголовного преследования или исполнения приговора”) регулирует порядок выдачи. Статья 466 – единственное положение в этой главе, которое регулирует применение мер пресечения с целью выдачи. Часть 1 описывает ситуацию, когда требование о выдаче не сопровождается постановлением о заключении под стражу, вынесенном иностранным судом. В таком случае прокурор должен решить, является ли необходимой мера пресечения «в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом». Часть 2 предусматривает, что при наличии решения иностранного суда о заключении под стражу прокурор может заключить лицо под стражу или под домашний арест. В таком случае подтверждение решения иностранного суда российским судом не требуется.

53 . Глава 15 (“Ходатайства”) предусматривает, что подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, эксперт, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе заявлять ходатайство о принятии процессуальных решений для обеспечения прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство (статья 119 ч. 1). Глава 16 (“Обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство”) предусматривает судебный порядок рассмотрения жалоб на решения и действия (бездействие) следователя и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства (статья 125 ч. 1). Компетентным судом является суд по месту производства предварительного расследования (там же).

Е . Прецедентное право Конституционного Суда

1. Определение № 101- О по делу г-на Насруллоева от 4 апреля 2006

54 . Проверяя конституционность статьи 466 § 1 Уголовно-процессуального кодекса, Конституционный Суд повторил свою постоянную позицию о том, что чрезмерно длительное или произвольное содержание под стражей, не ограниченное по времени, законность которого не проверяется должным образом, противоречит статье 22 Конституции и статье 14 § 3 Международного Пакта о гражданских и политических правах по всем делам, включая рассмотрение требованием о выдаче.

По мнению Конституционного Суда, отсутствие в статье 466 ч. 1 специальной нормы, регулирующей содержание под стражей, не является пробелом в законодательстве, который бы противоречил Конституции. Статья 8 § 1 Минской Конвенции 1993 года предусматривает, что, выполняя требование о правовой помощи, запрашиваемая сторона должна применять национальное законодательство, а именно процедуру, установленную Уголовно-процессуальным кодексом РФ. Эта процедура основывается, в частности, на статье 466 ч. 1 Кодекса и на положениях главы 13 кодекса (“Меры пресечения”), которые, благодаря своему общему характеру и нахождению в части I Кодекса (“Общие положения”), применимы ко всем стадиям и формам уголовного судопроизводства, включая рассмотрение запроса о выдаче.

Конституционный Суд подчеркнул, что гарантии права на свободу и личную неприкосновенность, закрепленные в статье 22 и главе 2 Конституции, были полностью применимы к содержанию под стражей с целью выдачи. Следовательно, статья 466 Уголовно-процессуального кодекса не позволяет властям применять меру пресечения в виде заключения под стражу без соблюдения порядка, предусмотренного Уголовно-процессуальным кодексом, или с превышением сроков, предусмотренных Кодексом.

2. Определение № 158- О от 11 июля 2006 в связи с ходатайством Генерального прокурора о разъяснении

55 . Генеральный прокурор ходатайствовал перед Конституционным Судом об официальном разъяснении определения данного суда по делу г-на Насруллоева (см. выше), с целью, в частности, выяснить порядок продления срока содержания под стражей с целью выдачи.

Конституционный Суд отказал в удовлетворении ходатайства, отметив, что в его компетенцию не входит разрешение вопроса о том, какие именно нормы уголовно-процессуального законодательства призваны определять порядок и сроки содержания под стражей лиц, подлежащих выдаче. Этот вопрос относится к ведению судов общей юрисдикции.

Г . Прецедентное право Верховного Суда

56 . В деле г-на А. относительно его задержания с целью выдачи в Армению, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда постановила следующее (дело № 72-005-19, от 8 июня 2005 года):

“ Срок содержания под стражей лица, подлежащего экстрадированию к месту совершения преступления ... не регулируется положениями ст. 109 УПК РФ. В соответствии с требованиями [Минской Конвенции 1993 года], лицо, задержанное по поручению иностранного государства, содержится под стражей в течение 40 суток до момента поступления запроса о решении вопроса о выдаче. Последующее время содержания под стражей задержанного регулируется положениями уголовно-процессуального закона запрашивающей стороны (Республики Армения в данном случае)”.

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение ст. 3 и 18 Конвенции

57. Заявитель утверждал в своей жалобе, ссылаясь на статьи 3 и 18 Конвенции, что его экстрадиция в Таджикистан поставила бы его под угрозу пыток или смертной казни. Соответствующие положения Конвенции предусматривают следующее:

Статья 3

“Никто не должен подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию”.

Статья 18

«Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться в иных целях, нежели те, для которых они были предусмотрены».

58. Суд повторяет, что слово «жертва» в контексте статьи 34 Конвенции обозначает лицо, которое непосредственно пострадало от обжалуемого действия либо бездействия (см, например, *Nsona v. the Netherlands*, постановление от 28 ноября 1996 года, *Reports of Judgments and Decisions* 1996- V, § 106, и *Brum ă rescu v. Romania* [GC], № 28342/95, § 50, ECHR 1999- VII). Другими словами, лицо считается «жертвой», если оно непосредственно пострадало или если существовал риск, что оно пострадает от обжалуемого действия или бездействия (см., например, *Norris v. Ireland*, постановление от 26 октября 1988 года, серия A, № 142, §§ 30-31). Следовательно, невозможно претендовать на статус «жертвы» в связи с действием, которое не обладает ни временной, ни постоянной юридической силой (см. *Sospjeva and Others v. Latvia* [GC], № 60654/00, § 92, ECHR 2007-...).

59. Относительно особой категории дел о мерах, связанных с высылкой, Суд считает, что заявители не могут претендовать на статус «жертвы», если подобная мера не подлежала применению (см. *Vijayanathan and Pusparajah v. France*, постановление от 27 августа 1992 года, серия A № 241- B, § 46; см. также *Pellumbi v. France* (постановление), № 65730/01, 18 января 2005 года, и *Etanji v. France* (решение.), № 60411/00, 1 марта 2005 года). Суд занял аналогичную позицию по делам, когда исполнение решения о депортации или выдаче откладывалось на неопределенный срок или иным образом лишалось юридической силы, и в которых любое решение властей продолжить процедуру депортации может быть обжаловано в соответствующем суде (см. *Kalantari v. Germany*, № 51342/99, §§ 55-56, ECHR 2001- X, и *Mehemi v. France* (№ 2), № 53470/99, § 54, ECHR 2003- IV; см. также *Shamayev and others v. Georgia and Russia*, № 36378/02, § 355, ECHR 2005- III; *Andri ć v. Sweden* (реш.), № 45917/99, 23 февраля 1999 года; *Benamar and Others v. France* (реш.), № 42216/98, 14 ноября 2000 года; и *Djemailji v. Switzerland* (реш.), № 13531/03, 18 января 2005 года).

60. В данном деле, постановлением от 21 августа 2006 года Московский городской суд отменил решение прокуратуры о выдаче заявителя, указав, что его выдача в Таджикистан нарушает УПК РФ и Европейскую Конвенцию о выдаче. 2 октября 2006 года Верховный Суд оставил это постановление без изменений.

61 . Следовательно, в настоящий момент решение о выдаче заявителя не имеет юридической силы. Поэтому заявитель не может рассматриваться в качестве «жертвы» в связи с этим решением. Следовательно, данная жалоба *ratione personae* не соответствует положениям Конвенции по смыслу статьи 35 § 3 и должна быть отклонена в соответствии со статьей 35 § 4.

II . Предполагаемое нарушение статьи 5 § 1 конвенции

62 . Заявитель в своей жалобе утверждал, ссылаясь на Статью 5 § 1 Конвенции, что его незаконно содержали под стражей. В частности, он утверждал, что с 13 по 21 августа 2003 года он содержался под стражей в отсутствие какого-либо судебного решения, что срок его содержания под стражей превысил предельный срок в 18 месяцев, предусмотренный российским законодательством, и что нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие содержание под стражей с целью выдачи, не удовлетворяют требованиям ясности и предсказуемости. Соответствующие части Статьи 5 § 1 предусматривают следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(f) законное задержание или заключение под стражу лица ... против которого принимаются меры по его... выдаче.»

A . Приемлемость

63 . Суд считает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу Статьи 35 § 3 Конвенции. Далее Суд отмечает, что жалоба не является неприемлемой и по другим основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

B . По существу

1. Доводы сторон

64 . По мнению Правительства, особенностью данного дела является тот факт, что мера пресечения в виде заключения под стражу была применена на период принятия решения об экстрадиции. Заявитель сам способствовал продлению этого периода подачей «необоснованных ходатайств» о предоставлении политического убежища, статуса беженца и временного убежища в Российской Федерации, а также последующим обжалованием соответствующих отказов в российских судах. В течение всего периода заявитель пользовался статусом беженца, и его выдача была запрещена российским законодательством.

65 . Правительство указало на тот факт, что решение о заключении заявителя под стражу было принято 30 июня 2003 года и.о. Генерального прокурора Таджикистана без указания срока содержания под стражей. Правительство утверждает, что срок содержания под стражей с целью выдачи регулируется статьями 62 и 67 Минской Конвенции. Он определяется исключительно на основании срока, отведенного на получение требования о выдаче, а также срока для передачи выданного лица.

66 . Правительство отмечало, что 4 апреля 2006 года Конституционный Суд вынес определение по жалобе заявителя, в котором указал, что общие положения главы 13 УПК должны применяться ко всем формам и стадиям уголовного судопроизводства, включая рассмотрение требования о выдаче (см. пункт 54 выше). Впоследствии Конституционный Суд отказался разъяснить свое определение, отметив, что в его компетенцию не входит указание на конкретные правовые нормы, регулирующие порядок и сроки применения меры пресечения в виде заключения под стражу по делам о выдаче, что входит в компетенцию судов общей юрисдикции (см. пункт 55 выше). Ссылаясь на позицию Верховного Суда по делу г-на А. (см. пункт 56 выше) и по другому делу, копия решения которого не была предоставлена, Правительство настаивало, что статья 109 УПК не применима для продления срока содержания под стражей лиц, задержанных с целью выдачи. Верховный Суд РФ счел, что российское законодательство, регулирующее вопросы выдачи, достаточно четко и ясно, и что положения главы 54 УПК должны применяться в совокупности с иными уголовно-процессуальными нормами.

67 . Заявитель указал на несостоятельность позиции Правительства. С одной стороны, Правительство утверждает, что, в соответствии с Минской Конвенцией 1993 года, содержание под стражей с целью выдачи не ограничено по времени; с другой стороны, оно цитирует определение Конституционного Суда от 4 апреля 2006 года, в котором суд подтвердил, что глава 13 УПК должна применяться и к делам о выдаче. Поскольку статья 109 главы 13 ограничивает срок содержания под стражей до 2 месяцев, содержание заявителя под стражей было незаконным уже с 13 октября 2003 года. В любом случае, оно было незаконным по истечении предельного срока содержания под стражей в 18 месяцев, установленного в части 4 статьи 109. 21 августа 2006 года Московский городской суд подтвердил правильность данной позиции, постановив освободить заявителя со ссылкой на истечение предельного срока содержания под стражей.

68 . Заявитель утверждает, что положения российского уголовного права по вопросам содержания под стражей с целью выдачи не отвечают требованию правовой определенности и принципам Конвенции. Хотя глава 13 УПК, в особенности статьи 108 и 109, содержат четкие и подробные нормы по применению мер пресечения и устанавливают определенные сроки применения данных мер, статья 466 УПК непосредственно к данным нормам не отсылает. В результате сформировалась такая административная практика, когда в ожидании требования о выдаче лица содержатся под стражей на протяжении длительного времени. При этом законность их содержания под стражей судом не проверяется, а его сроки превышают предельный срок, установленный статьей 109. Даже после того, как Конституционный Суд указал, что глава 13 должна применяться и к содержанию под стражей в связи с выдачей, 1 июля 2006 года Бабушкинский районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей еще на 14 дней, явно превысив предельный срок содержания под стражей.

2. Общие принципы

69 . Суд отмечает, что обе стороны признают, что заявитель был заключен под стражу с целью выдачи из России в Таджикистан. Таким образом, в данном случае применима статья 5 § 1 (f) Конвенции. Эта норма не требует признания обоснованной необходимости содержания под стражей лица, в отношении которого предпринимаются меры по выдаче, например, с целью предотвратить совершение им

правонарушения или помешать ему скрыться. В этой связи статья 5 § 1 (f) предусматривает иной уровень защиты, чем статья 5 § 1 (c). Единственное требование подпункта (f) состоит в том, что “предпринимаются меры по его выдаче”. Следовательно, в целях статьи 5 § 1 (f) несущественно, является ли решение о высылке обоснованным в соответствии с национальным законодательством или Конвенцией (см. *Čonka v. Belgium* , № 51564/99 , § 38, ECHR 2002- I , и *Chahal v. the United Kingdom* , постановление от 15 ноября 1996 года , *Reports of Judgments and Decisions* 1996- V , § 112).

70 . Тем не менее, Суд повторяет, что в его компетенцию входит установить, было ли задержание заявителя «законным» в соответствии со статьей 5 § 1 (f) , обращая особое внимание на гарантии, предусмотренные национальным законодательством. При рассмотрении «законности» заключения под стражу, включая вопрос о соблюдении «порядка, установленного законом», Конвенция в основном отсылает к национальному законодательству и устанавливает обязательство соблюдать материальные и процессуальные нормы национального законодательства. Однако Конвенция также требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало целям статьи 5, а именно – защите лиц от произвола (см. *Amuur v. France* , постановление от 25 июня 1996 года , *Reports of Judgments and Decisions* 1996- III , § 50).

71 . Следовательно, Суд должен установить, соответствует ли само национальное законодательство Конвенции, включая ее общие принципы, непосредственно закрепленные в ней либо вытекающие из нее. Относительно данного вопроса Суд подчеркивает, что когда речь идет о лишении свободы, особенно важно соблюдение общего принципа правовой определенности. Закрепляя, что любое лишение свободы должно осуществляться «в порядке, установленном законом», статья 5 § 1 не просто отсылает к национальному законодательству. Как и выражение «предусмотрено законом» во втором абзаце статей 8 - 11, положение статьи 5 § 1 относится к понятию «качества закона» и требует соответствия принципу верховенства закона, который является неотъемлемым для всех статей Конвенции. «Качество закона» в этом смысле подразумевает, что в том случае, когда национальное законодательство санкционирует лишение свободы, оно должно быть достаточно доступным, точным и предсказуемым в применении, с тем чтобы была исключена малейшая возможность произвола (см. *Khudoyorov v. Russia* , № 6847/02, § 125, ECHR 2005-... (отрывки); *Ječius v. Lithuania* , № 34578/97, § 56, ECHR 2000- IX ; *Baranowski v. Poland*, № 28358/95, §§ 50-52, ECHR 2000- III ; и *Amuur* , упомянутый выше).

3. Применение общих принципов к данному делу

72 . Суд отмечает, что к требованию о выдаче заявителя было приложено решение о заключении заявителя под стражу. Это решение было сделано таджикским прокурором, а не судом. Следовательно, применение меры пресечения до принятия решения о выдаче заявителя регулировалось первой частью статьи 466 УПК РФ (см. пункт 52 выше). В статье 466 ч. 1 говорится, что мера пресечения назначается в порядке, установленном УПК. Следовательно, решение о заключении заявителя под стражу было вынесено российским судом 21 августа 2003 года на основании положений главы 13 УПК РФ, которая регулирует применение мер пресечения, включая заключение под стражу (см. пункт 15 выше). Срок содержания заявителя под стражей в решении установлен не был.

73 . Основное разногласие между сторонами возникло по вопросу о том, достаточно ли было этого судебного решения для содержания заявителя под стражей в течение сколь угодно длительного периода времени до принятия решения о выдаче, или же было необходимо регулярно проверять правомерность его содержания под стражей. Заявитель утверждал, что все положения главы 13 и в частности статья 109 УПК, которая устанавливает определенные сроки для проверки законности содержания под стражей, должны были быть применены к его ситуации. Правительство утверждало, что национальное законодательство не предусматривает каких-либо сроков содержания под стражей с целью выдачи.

74 . Довод заявителя находит поддержку в прецедентном праве Конституционного Суда РФ, который является верховным органом судебной власти, в чью компетенцию входит толкование конституционных гарантий индивидуальных прав (например, право на свободу и личную неприкосновенность, см. пункт 48 выше). Данное толкование имеет обязательную юридическую силу. Рассматривая жалобу заявителя, Конституционный Суд подчеркнул, что при рассмотрении требования о выдаче право на свободу должно обеспечиваться теми же гарантиями, что и по другим видам уголовного судопроизводства. Конституционный Суд недвусмысленно указал, что применение мер пресечения с целью выдачи должно регулироваться не только статьей 466, но и нормами общего характера, изложенными в главе 13 УПК (см. пункт 54 выше). Хотя Конституционный Суд отказался указать на конкретные правовые нормы, регулирующие порядок содержания под стражей с целью выдачи, он неоднократно указывал на правовой запрет продления срока содержания под стражей сверх установленных сроков (см. пункт 55 выше). Поскольку статья 109 – единственное положение УПК, которое устанавливает сроки применения меры пресечения в виде заключения под стражу, довод о том, что она неприменима, очевидно, противоречит постоянному прецедентному праву Конституционного Суда РФ.

75 . Утверждение Правительства о том, что первое судебное решение о заключении заявителя под стражу являлось достаточным юридическим основанием для содержания его под стражей на протяжении всего срока, также противоречит последующим решениям российских судов по делу заявителя. Если предположить, что данное решение являлось достаточным юридическим основанием, кажется странным и нелогичным, что 1 июля 2006 года – почти три года после заключения заявителя под стражу – прокурор счел необходимым ходатайствовать перед судом о продлении срока содержания заявителя под стражей на 14 дней, а также то, что данное ходатайство было удовлетворено районным судом (см. пункт 37 выше). При этом районный суд указал непосредственно на статью 109 как на нормативно-правовое основание для своего решения. Однако суд не уточнил, какая часть статьи 109 позволяет продление срока содержания заявителя под стражей. К тому моменту заявитель провел под стражей более года, сверх предельного срока содержания под стражей в 18 месяцев, установленного частью 4 этой статьи (см. пункт 51 выше). Правительство не указало, на каких нормах законодательства могло быть основано такое решение. Правительство также не предоставило информации о правовых нормах, на основании которых заявитель продолжал содержаться под стражей после 14 июля 2006 года, т.е. по истечении срока содержания под стражей, установленного решением от 1 июля 2006 года. Кроме того, странным и нелогичным является и тот факт, что 13 сентября 2006 года решение районного суда было признано законным Московским городским судом, несмотря на то, что оно было диаметрально противоположным предыдущему решению Мосгорсуда от 21 августа 2006 года, в соответствии с которым заявителя должны были

освободить на основании статьи 109, так как предельный срок содержания его под стражей истек (см. пункты 38 и 45 выше).

76 . На более общем уровне Суд с беспокойством отмечает непоследовательность правовой позиции национальных властей по вопросу правовых норм, действующих в отношении лиц, содержащихся под стражей в связи с требованием о выдаче. В одном случае, на который ссылается Правительство, Верховный Суд выразил мнение, что содержание под стражей лиц, в отношении которых поступило требование о выдаче из России, должно регулироваться, по истечении первоначального периода в 40 дней, установленного Минской Конвенцией 1993 года, иностранным уголовно-процессуальным правом, т.е. правом запрашивающей стороны (см. комментарии Правительства и пункт 56 выше). Отдел по международному сотрудничеству Генеральной прокуратуры, очевидно, придерживался того же мнения, так как посоветовал адвокату заявителя обратиться с ходатайством об освобождении последнего к властям Таджикистана (см. пункт 23 выше). Однако один районный суд г. Москвы (Нагатинский) указал адвокату заявителя, что ее ссылки на положения УПК Таджикистана несостоятельны, так как уголовное судопроизводство осуществляется в России (см. пункт 22 выше). Другой районный суд г. Москвы (Тверской) выразил противоположное мнение, отметив, что заявитель не является стороной уголовного судопроизводства по смыслу УПК РФ (см. пункт 28 выше). Данная позиция подразумевает, что в отношении содержания заявителя под стражей не действует ни одна из гарантий, которыми пользуются обычные подозреваемые и обвиняемые. Тот же районный суд впоследствии высказал мнение, что Генеральная прокуратура, т.е. орган, рассматривающий требование о выдаче заявителя, не несет ответственности за содержание заявителя под стражей и, следовательно, не может нести ответственность и за тот факт, что длительному незаконному содержанию заявителя под стражей не был положен конец (см. пункт 33 выше).

77 . Учитывая непоследовательные и взаимоисключающие доводы национальных властей по вопросу о правовом регулировании содержания под стражей с целью выдачи, Суд считает, что в отношении лишения свободы, которому подвергся заявитель, не действовали необходимые гарантии защиты от произвола. Положения российского законодательства, регулирующие содержание под стражей лиц с целью выдачи, не являются ни точными, ни предсказуемыми в применении и не соответствуют требованиям Конвенции в части «качества закона». Национальная система не смогла защитить заявителя от произвольного содержания под стражей. Его содержание под стражей не может считаться «законным» по смыслу статьи 5 Конвенции. В данных обстоятельствах Суд не считает нужным отдельно рассматривать, осуществлялось ли рассмотрение требования о выдаче с должной тщательностью.

78 . Следовательно, имело место нарушение статьи 5 § 1 (f) Конвенции.

III . ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 4 КОНВЕНЦИИ

79 . Заявитель в своей жалобе утверждает, обращаясь к статье 5 § 4 и к статье 13 Конвенции, что он не имел возможности добиться судебной проверки законности его содержания под стражей. Поскольку Суд рассматривает статью 5 § 4 в качестве *lex specialis* по отношению к более общим требованиям статьи 13 (см. *Nikolova v . Bulgaria*

[GC], № 31195/96, § 69, ECHR 1999- II), Суд будет рассматривать данную жалобу исключительно с точки зрения статьи 5 § 4, в которой говорится следующее:

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А . Приемлемость

80 . Правительство утверждало, что заявитель не исчерпал эффективных средств правовой защиты на национальном уровне, поскольку он не обжаловал решение Нагатинского районного суда от 21 августа 2003 года.

81 . Заявитель возразил, что отсутствие какой-либо правовой возможности добиться судебного рассмотрения законности его заключения под стражу было ключевым моментом его жалобы по статье 5 § 4 и, следовательно, она не может быть признана неприемлемой по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты.

82 . Суд отмечает, что главная жалоба заявителя по статье 5 § 4 не была направлена против первичного решения о его заключении под стражу, а скорее против невозможности добиться судебного рассмотрения правомерности его содержания под стражей по истечении определенного времени. Поэтому возражение Правительства о том, что заявитель не обжаловал первичное решение о заключении под стражу, несущественно и должно быть отклонено.

83 . Суд считает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу статьи 35 § 3 Конвенции и что она не является неприемлемой по каким-либо другим причинам. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В . По существу

84 . Заявитель жаловался на то, что его содержание под стражей продлевалось автоматически, без какого-либо судебного решения либо рассмотрения его законности. Цитируя в качестве примера решение Тверского районного суда от 21 апреля 2005 года, заявитель подчеркнул, что российские суды не считали такое рассмотрение необходимым, поскольку УПК РФ и международные договоры не содержат явных указаний на его необходимость. Заявитель неоднократно, но безуспешно, пытался добиться рассмотрения правомерности своего содержания под стражей. Он получил непоследовательные и взаимоисключающие ответы от российских властей. По его мнению, это является красноречивым доказательством отсутствия четко определенной процедуры рассмотрения законности заключения под стражу с целью выдачи. Кроме того, заявитель не мог обжаловать правомерность своего содержания под стражей путем оспаривания законности решения прокурора, так как в соответствии со статьей 125 УПК, такие жалобы должны направляться в суд по месту производства предварительного расследования. Поскольку в России расследование в отношении заявителя не велось, его жалобы были отклонены (заявитель привел в качестве примера Тверского районного суда от 23 июня 2006 года).

85 . Правительство утверждало, что российский суд не имел правовой обязанности рассматривать законность содержания заявителя под стражей по собственной инициативе. В противном случае это противоречило бы его роли независимого посредника. Правительство утверждает, что заявитель мог добиться рассмотрения законности своего содержания под стражей в порядке статей 108 и 109 УПК. Хотя заявитель многократно обжаловал действия и бездействие сотрудников прокуратуры и ходатайствовал об освобождении, он не оспаривал законность меры пресечения в виде заключения под стражу.

86 . Суд повторяет, что целью статьи 5 § 4 является обеспечение лиц, задержанных и заключенных под стражу, правом судебного рассмотрения законности избранной в их отношении меры (см., *mutatis mutandis* , *De Wilde , Ooms and Versyp v . Belgium* , постановление от 18 июня 1971 года, серия А № 12, § 76). Во время содержания под стражей лицо должно иметь доступ к таким средствам правовой защиты, которые позволят добиться безотлагательного рассмотрения правомерности его содержания под стражей, что при соответствующих обстоятельствах сможет привести к его освобождению. Такие средства правовой защиты должны достоверно существовать, в соответствии с требованием статьи 5 § 4, не только в теории, но и на практике, в противном случае они не будут доступными и эффективным, как это требуется в целях данной нормы (см., *mutatis mutandis* , *Stoichkov v . Bulgaria* , № 9808/02, § 66, 24 марта 2005 года, и *Vachev v . Bulgaria* , № 42987/98, § 71, ECHR 2004- VIII (выдержки)). Доступность средств правовой защиты подразумевает, *inter alia* , что условия, заведомо созданные властями, не должны лишать заявителя реальной возможности воспользоваться данными средствами (см., *mutatis mutandis* , *Čonka* , упомянутый выше, §§ 46 и 55).

87 . Суд с самого начала отмечает, что замечания Правительства по данной жалобе противоречат их же собственным замечаниям относительно законности содержания заявителя под стражей. Комментируя жалобу по статье 5 § 1 (f), Правительство утверждало, что статья 109 не применима к делу заявителя, поскольку он содержался под стражей с целью выдачи (см. пункт 66 выше). Однако, в своих замечаниях относительно статьи 5 § 4 Правительство, тем не менее, настаивало на том, что существовала правовая возможность добиться судебного рассмотрения законности содержания под стражей в порядке той же статьи 109 (см. выше). Далее, замечания Правительства по применимости статьи 109 противоречили прецедентному праву Верховного Суда, на которое ссылалось Правительство, а также решениям национальных судов по делу заявителя (см. пункты 56 и 28 выше).

88 . В задачи Суда не входит устанавливать, была ли статья 109 УПК РФ применима к делу заявителя или нет. Вопрос, на который необходимо ответить в рамках рассмотрения жалобы по статье 5 § 4 Конвенции, следующий: наделяла ли статья 109 УПК заявителя правом инициировать судебное рассмотрение законности его содержания под стражей. В этой связи Суд отмечает, что применение меры пресечения в виде заключения под стражу регулируется статьями 108 и 109 УПК. Статья 108 регулирует первичное заключение под стражу, а статья 109 устанавливает определенные сроки, до истечения которых прокурор должен ходатайствовать перед судом о продлении меры пресечения. Рассматривая ходатайство о продлении меры пресечения, суд должен решить, является ли продление срока содержания под стражей законным и обоснованным, и если нет, освободить заключенного под стражу. Очевидно, что лицо, заключенное под стражу, имеет право принимать участие в

судебном заседании, где рассматривается ходатайство, представлять свои доводы суду и ходатайствовать о своем освобождении. Однако в формулировке статей 108 и 109 не содержится указаний на то, что подобное рассмотрение может быть инициировано лицом, заключенным под стражу, так как ходатайство прокурора о продлении срока содержания под стражу является необходимым условием возбуждения соответствующего производства. По всей видимости, в данном деле рассмотрение в порядке статьи 109 было инициировано только один раз за три года содержания заявителя под стражей, и то по ходатайству прокурора. С учетом данных обстоятельств, Суд не может признать, что статья 109, даже если она была применима к делу заявителя, обеспечивала его право инициировать рассмотрение судом законности его содержания под стражей.

89 . Далее, Суд отмечает, что УПК, в принципе, предусматривает возможность судебного рассмотрения жалоб на нарушения прав и свобод, которые, вполне возможно, включают и конституционное право на свободу. Однако, в соответствии с УПК, такую жалобу может подать только «подозреваемый» или «обвиняемый» (статья 119) или, в более общем смысле, «участники уголовного судопроизводства» (статья 125). По российскому уголовно-процессуальному законодательству, заявитель не являлся ни «подозреваемым», ни «обвиняемым», так как в России против него уголовное дело заведено не было. Более того, российские власти последовательно отказывались признать заявителя участником уголовного судопроизводства на том основании, что следствие в отношении него в России не ведется (см., в частности, пункты 26 , 28 , 31 и 33 выше). Такой подход, очевидно, лишал заявителя возможности добиваться судебного рассмотрения законности его содержания под стражей.

90 . Следовательно, в течение всего срока содержания под стражей заявитель не располагал каким-либо средством правовой защиты, при помощи которого законность его содержания под стражей могла быть рассмотрена судом.

Следовательно, имело место нарушение статьи 5 § 4 Конвенции.

IV . ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

91 . Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A . Вред

92 . Заявитель требовал возмещения морального вреда в размере 157.650 евро, из расчета 150 евро за каждый из 1.051 дней, в течение которых он незаконно содержался под стражей. Заявитель утверждает, что соразмерную компенсацию получил заявитель в деле *Lukanov v . Bulgaria* (постановление от 20 марта 1997 года, *Report of Judgments and Decisions* , 1997- II , § 52). Заявитель также просил Суд рекомендовать Правительству государства-ответчика внести изменения в российское законодательство, регулирующее содержание под стражей с целью выдачи.

93 . Правительство заявило, что требования заявителя завышены, и что символическая сумма будет достаточной компенсацией в данном деле.

94 . Суд считает, что одно признание нарушения не является справедливой компенсацией, и выплатить компенсацию вреда необходимо. Произведя объективную оценку, Суд присуждает заявителю компенсацию в размере 40.000 евро в отношении морального вреда, а также налог, который должен быть выплачен с этой суммы.

95 . Что касается просьбы заявителя направить рекомендацию Правительству государства-ответчика, по Конвенции Суд не уполномочен направлять такие рекомендации, поскольку его постановления по своему характеру являются в большей степени декларативными . В целом, прежде всего именно государство-ответчик должно выбрать меры, которые оно собирается использовать в рамках национальной правовой системы, для того чтобы выполнить свои правовые обязательства в соответствии со статьей 46 Конвенции (см. *Shofman v . Russia* , № 74826/01, § 53, от 24 ноября 2005 года, с дополнительными ссылками). Признав нарушение статьи 5 §§ 1 и 4 в данном деле, Суд установил обязанность Правительства принять необходимые меры общего характера для исправления недостатков в законодательстве . Будут ли эти меры связаны с внесением поправок в Уголовно-процессуальный кодекс, пересмотром существующего прецедентного права, дачи разъяснений Верховным Судом, имеющих обязательную юридическую силу, или сочетанием этих и других мер, должно решать государство-ответчик . Однако Суд подчеркивает, что эти меры должны соответствовать выводам Суда, изложенным в данном постановлении (см. *Assanidze v . Georgia* [БП], № 71503/01, § 202, ECHR 2004- II , с дополнительными ссылками).

В . Расходы и издержки

96 . Заявитель требовал возмещения 2.250 евро в отношении расходов на помощь адвоката в связи с рассмотрением его дела в Суде. Данная сумма компенсирует 10 часов работы г-жи Москаленко и 35 часов работы г-жи Ставицкой, из расчета 50 евро в час.

97 . Правительство заявило, что размер компенсации гонораров адвокатов завышен по сравнению со средними гонорарами адвокатов в России, а также указало, что заявитель не предоставил договора о предоставлении юридических услуг.

98 . В соответствии с прецедентным правом Суда заявитель может претендовать на возмещение всех расходов, доказав, что они были действительно понесены, необходимы и не превышали разумных пределов. Суд считает, что количество часов и ставка адвокатов не являются завышенными. За вычетом суммы в размере 850 евро, выплаченной заявителю в рамках освобождения от оплаты юридической помощи, Суд присуждает выплату 1.400 Евро в качестве возмещения расходов и издержек, а также налог, подлежащий уплате с этой суммы.

С . Процент за невыплату суммы

99 . Суд считает, что процент за невыплату суммы должен равняться процентной ставке Европейского центрального банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявил* жалобы относительно законности лишения заявителя свободы и доступности судебного рассмотрения правомерности его содержания под стражей приемлемыми, а остальные жалобы неприемлемыми;

2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 5 § 1 (f) Конвенции;

3. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 5 § 4 Конвенции;

4. *Постановил*,

(а) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение 3 месяцев с даты, когда решение Суда вступит в силу в порядке статьи 44 § 2 Конвенции, следующие суммы, переведенные в российские рубли по курсу на день выплаты:

(i) 40.000 евро (сорок тысяч евро) в части компенсации морального вреда;

(ii) 1.400 евро (одну тысячу четыреста евро) в части возмещения расходов и издержек;

(iii) налог, которым эти суммы могут облагаться;

(b) что по истечении вышеупомянутого трехмесячного срока выплаты должен взыскиваться процент на данную сумму в размере процентной ставки Европейского центрального банка при невыплате плюс три процентных пункта.

5. *Отклонил* остальные требования заявителя.

Совершено на английском языке, и уведомление о постановлении направлено в письменном виде в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Андрэ Вампах
Заместитель секретаря секции

Христос Родзакис
Председатель